

ЛОКДАУН

ПИТЕР МЭЙ ЛОКДАУН

Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М97

LOCKDOWN © Peter May, 2020

Оформление серии *Я. Паламарчук*
Редактор серии *Ю. Милоградова*

Мэй, Питер.

М97 Локдаун : [роман] / Питер Мэй ; [перевод с английского Н. В. Рокачевской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Игра на выживание: серьезный детектив).

ISBN 978-5-04-114278-0

Всемирно известный, любимый критиками и публикой, Питер Мэй вновь удивляет читателей своим криминальным триллером, описывая мир, скорого наступления которого никто не мог предвидеть и в котором мы все оказались в 2020 году. «Локдаун» — это виртуозно написанный роман, в котором каждый тщательно выверенный факт стоит на своем месте. «Локдаун» — это Лондон на фоне глобальной эпидемии.

Эта книга, которая описывает опыт выживания в закрытом городе под угрозой смертельного вируса, была написана в 2005 году, но 15 лет назад показалась издателям неправдоподобной дистопией, а сейчас удивляет и пугает своим правдоподобием, которое до дрожи напоминает предвидение.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Рокачевская Н., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114278-0

ПОСВЯЩАЕТСЯ СЬЮЗИ

**Это худший вирус из тех,
что я когда-либо встречал...
От него никто и нигде
не скроется.**

Роберт Вебстер, вирусолог

Детская научно-исследовательская
больница Св. Иуды

Мемфис, штат Теннесси, США

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2005 году я не сумел найти издателя ни для романа «Скала», ни для первой книги из серии «Энцо», «Опасная тайна зала фресок», и начал собирать материал для криминального романа, разворачивающегося на фоне пандемии птичьего гриппа.

Ученые предсказали, что, скорее всего, следующую пандемию гриппа вызовет птичий грипп, или H5N1. В 1918 году испанка унесла жизни от двадцати до пятидесяти миллионов людей по всему миру, а от птичьего гриппа со смертностью шестьдесят процентов и выше это число закономерно должно было быть гораздо больше.

Я уже собирал материал об испанке для «Змееголова», одного из моих «китайских» триллеров, и неплохо разобрался в теме. Но все равно не был готов к тому, чем обернется мое расследование относительно H5N1, и пришел в ужас от того, что пандемия птичьего гриппа может уничтожить весь мир.

Я начал размышлять о хаосе, который вызовет эпидемия, как быстро начнет распадаться общество. В качестве места действия, эпицентра пандемии, я выбрал Лондон, который полностью закрывают на карантин. На этом фоне, на месте лихорадочного строительства нового полевого госпиталя обнаруживают кости убитого ребенка. Детектив Джек Макнил приступает к расследованию, хотя вирус затронул и его собственную семью.

Я написал «Локдаун» в течение полутора месяцев, засиживаясь за полночь. Его так и не опубликовали. Британские издатели в то время посчитали изображение Лондона под осадой невидимого врага, H5N1, нереалистичным — дескать, такого никогда не случится, хотя мое расследование показало, что это возможно. Потом серию «Энцо» купи-

ло американское издательство, и мои «Китайские триллеры» поначалу вышли в США. Мой фокус переместился на другую сторону Атлантики, а «Локдаун» так и остался лежать в папке на Дропбоксе. До сего дня.

Я пишу это, запертый в четырех стенах своего дома во Франции, мне запрещено выходить, кроме как в исключительных обстоятельствах. Новый коронавирус Covid-19 опустошает мир, и общество быстро распадается. И хотя смертность от этого вируса составляет всего малую долю от смертности вследствие птичьего гриппа, политики с трудом сдерживают хаос и панику, которая распространяется из-за Covid-19 по всему миру. Параллели с «Локдауном» ужасают. Так что настал подходящий момент открыть ту пыльную папку на Дропбоксе, вытащить старую рукопись и поделиться ею с читателями, пусть даже только для того, чтобы понять, насколько хуже все могло бы быть.

Питер Мэй
Франция, 2020 год

ПРОЛОГ

Крик отдается эхом в темноте, едва прорываясь через сдавленное страхом горло. Звук дрожит из-за охватившего ее ужаса. От такого вопля у любого смертного застыла бы в жилах кровь, но толстые стены старого дома смыкаются вокруг ночной жути, а единственные уши, способные услышать, глухи к ее мольбам.

Он ругается, сопит и сплевывает в темноте, зло и раздраженно. Она слышит его шаги на лестнице и знает — сейчас ей сделают больно. И этому человеку она доверяла, даже любила. Ее захлестывает непонимание. Как такое возможно? Она вспоминает холодное прикосновение его ладони к своему разгоряченному лбу во время долгих и мучительных дней болезни. Жалость в его глазах. А теперь в этих глазах пылают ярость и угроза.

Она задерживает дыхание. Он поднялся еще на один лестничный пролет. Он думает, что она на последнем этаже, и она выскальзывает из кабинета и видит тень на лестнице — он идет к комнатам в мансарде. Она разворачивается и спешит вниз, к падающему из витражных окон на пол прихотей свету. Ноги тонут в толстом ковре. Пальцы в отчаянии цепляются за ручку, нажимают на нее. Но дверь заперта. Выхода нет.

Она замирает и слышит, как он спускается. Он знает, что упустил ее. Мгновение она колеблется. Из ванной под главной лестницей ступеньки ведут в подвал. Но если спуститься туда, она окажется в ловушке. Из подвала в переулок между домами выходит только старое окошко для угля, и какой бы она ни была миниатюрной, в щель не протиснуться.

Дом сотрясается от шагов по лестнице, и она в панике разворачивается, но видит перед собой только лишь девочку.

Призрака в белой ночной рубашке, с коротко стриженными черными волосами, светло-кариими глазами с расширенными от ужаса зрачками и белым лицом, словно присыпанным мелом. При виде ребенка страх пронзает, как острые лезвия ножей, которые ее ждут, и тут она понимает, что испугалась собственного отражения. Искаженного страхом настолько, что невозможно узнать.

— Чой! — доносится его голос с лестницы, и она внезапно вспоминает женщину, которая показывала дом несколько месяцев назад.

В стене большой столовой в передней части дома есть фальшпанель. Этой комнатой они никогда не пользовались. Столовая всегда погружена в душный полумрак, дневной свет или свет фонарей проникает сквозь щели по краям ставней. Агент по недвижимости отодвинула столик, чтобы убрать панель, и за ней обнаружилась дверь. Старая выкрашенная белой краской дверь с круглой ручкой. Тогда женщина открыла ее в темноту. В этой сырой, холодной и крошечной комнатке с кирпичными стенами семья из шести человек когда-то пряталась в темноте от бомб.

Чой не поняла, что женщина имела в виду под словом «Блиц», — та лишь сказала, что когда немецкие бомбардировщики завершали налет на Лондон, они разворачивались на юг и по пути сбрасывали неизрасходованный боезапас на этот злополучный район. А затем начинали голосить сирены, люди как крысы заползали в свою крысоловку, слушали, ждали и молились в темноте. Чой снова слышит, как он выкрикивает ее имя, и, словно от воя сирен полувековой давности, бежит от этого крика в столовую.

Быстро отодвигает столик и шарит по темно-синей панели в поисках механизма. Панель тяжелая, и крохотные

пальчики с трудом ее сдвигают. Он уже на лестничной площадке второго этажа, шаги слышны в спальне над головой. Чой отодвигает панель в сторону и толкает дверь. Та открывается в темноту, и вокруг смыкается холодный и сырой воздух. Она шагает внутрь и возвращает панель на место. Изнутри запереться невозможно, остается только молиться, что он не заметит. Она закрывает дверь, и свет гаснет. Чой садится на пол и обхватывает себя руками, чтобы согреться.

Здесь так холодно, так темно. Похоже, это конец. Отсюда нет выхода. Она не может представить, как шесть человек умещались в этой каморке. Невозможно даже вообразить, как ково им было слышать, как вокруг рвутся бомбы, думая, что следующая может попасть сюда. Однако нет нужды призывать на помощь воображение, чтобы мысленно нарисовать человека, чьи шаги слышно на лестнице, представить, как отражается свет от его ножа. У него ведь есть нож, в этом она уверена. Приют в Гуандуне — уже далекое воспоминание, как и та девочка, которой она когда-то была, — другой человек в другой жизни. Все так сильно изменилось всего за полгода, как будто прошла целая вечность, а та, другая жизнь — лишь тень сновидения.

Ее дыхание становится быстрым и поверхностным, но кажется непомерно громким. Однако помимо собственного дыхания она слышит его шаги уже в прихожей. Тяжелые шаги по паркету. Злость в голосе, когда он снова выкрикивает ее имя. А потом тишина. Мгновения тишины тянутся как несколько часов. Она изо всех сил старается не дышать, потому что уверена — он услышит. Ничто не прерывает тишину. И тут она судорожно охает, потому что слышит, как кто-то скребется по ту сторону двери. Сердце колотится так сильно, словно ее бьют по груди.

Ручка поворачивается, и Чой прижимается к стене. Дверь медленно открывается. На фоне освещенного холла в дверном проеме виден его силуэт. И в этом же свете Чой видит облачка своего дыхания в холодном воздухе. Он медленно приседает на корточки и протягивает к ней руку. Его лица она не видит, но буквально слышит, как он улыбается.

— Иди к папочке, — мягко говорит он.

ГЛАВА 1

I

Завсегдатаи парка Архиепископа (те, что еще живы) харкали кровью. А те, что живы не были, наверняка ворочались в могилах. Годы тщательного планирования, нацеленного на сохранение этого крохотного клочка зелени для жителей лондонского района Ламбет, пошли коту под хвост, когда парламент выпустил закон о чрезвычайной ситуации. В темноте над зубчатыми башенками дворца болтался обвисший флаг. Архиепископ находился в своей резиденции. Но бульдозеры начали работать уже в пять утра, после каких-то шести часов тишины, так что вряд ли архиепископ до сих пор спал. А его предшественники, отдавшие парк жителям района, вряд ли покоились с миром.

Стройплощадку освещали прожекторы. Тракторы месили и скоблили землю, на которой когда-то играли дети, и теперь эхо тоненьких детских голосов утонуло в грохоте машин. Ограждение футбольной и баскетбольной площадок сорвали и отбросили прочь. Искореженные остатки качелей и детских горок валялись у заброшенных зданий к западу от парка, дожидаясь, пока их увезут. Старый туалет, который собирались превратить в кафе, снесли. Самое важное сейчас — время. Здесь работали сотни людей сменами по восемнадцать часов. Никто не жаловался. Платили хорошо, хотя тратить деньги все равно было негде.

Рабочие молча двигались в свете огней. Фигуры в оранжевых рабочих комбинезонах, касках и белых масках. Каж-

дый занимался своим делом и держался подальше от остальных. Сигареты курили через тонкую ткань маски, оставляя на ней круглые никотиновые следы, а окурки сразу сжигали. Слишком легко распространяется зараза.

Вчера копали ямы под фундамент. Сегодня приехал целый эскадрон бетономешалок, чтобы залить их цементом. Гигантский кран уже стоял на месте, в готовности поднимать и устанавливать стальные балки. Накануне делегация комитета по чрезвычайной ситуации совершила сюда короткую прогулку из Вестминстера, с надеждой и страхом понаблюдав за вандализмом, который санкционировали от отчаяния сами парламентарии. Закрывающие их лица белые хлопковые маски не могли утаить тревогу в глазах. Делегаты смотрели на происходящее молча, как и рабочие.

А теперь на фоне льющегося бетона и рева бульдозеров раздался голос. Человек поднял в темноте руку, призывая всех остановиться. Он был высоким, поджарым и спортивным, и балансировал на краю глубокой ямы у северо-западного угла стройки. Бетономешалка развернула подающий бетон лоток, содрогнулась и замерла. Она уже готова была извергнуть на землю густое серое месиво. Мужчина присел на корточки у края ямы и заглянул в ее темное нутро.

— Там что-то есть! — прокричал он, и бригадир сердито зашлепал к нему по грязи.

— У нас нет на это времени. Давай! — Он помахал рукой в толстой перчатке рабочему, контролирующему подачу бетона. — Вываливай!

— Нет, постой.

Высокий перекинул ноги через край ямы, спрыгнул и скрылся из вида.

Бригадир закатил глаза к небу.

— Боже милосердный! Посветите сюда.

На краю ямы столпилось несколько человек. Они установили дребезжащую осветительную треногу и наклонили ее вниз. Высокий нагнулся над каким-то маленьким темным предметом. Он поднял голову, заслонил глаза ладонью от яркого света и посмотрел на лица тех, кто вглядывался вниз.

— Это хренов портплед. Хренов кожаный портплед. Какая-то свинья решила, что может выкинуть свой мусор в нашу яму.

— Давай, вылезай оттуда, — прокричал бригадир. — Мы не можем тут расслаживаться.

— А что внутри? — спросил кто-то другой.

Высокий вытер лоб рукавом и снял перчатку, чтобы расстегнуть портплед. Все наклонились ближе, чтобы увидеть содержимое собственными глазами. А потом высокий отпрянул, словно дотронулся до оголенного провода под током.

— Господи!

— Что там?

Они разглядели что-то белое, отражающее свет. Высокий поднял голову. Его дыхание было сбивчивым и неглубоким, а от лица отхлынули все краски, словно он побледнел от недосыпа.

— Боже мой!

— Да что там, мать твою?! — Бригадир уже начал терять терпение.

Мужчина в яме снова осторожно склонился над портпледом.

— Там кости, — сдавленно сказал он, но все прекрасно слышали. — Человеческие.

— Откуда ты знаешь, что они человеческие? — спросил кто-то, и голос показался ужасающе громким.

— Потому что на меня уставился череп! — Высокий задрал собственный череп кверху, и создалось впечатление, что кожа на нем плотно натянута. — Но маленький. Слишком маленький для взрослого. Это ребенок.